

«МИФТАХ АЛЬ-КУР'АН» КАЮМА НАСЫРИ: ПЕРВЫЙ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ КОНКОРДАНС КОРАНА

ХАЙРУТДИНОВ

Айдар Гарифутдинович

канд. филос. наук, доцент; старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан (420014, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, Кремль, 5 подъезд).
E-mail: khaidar67@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уникальный лексикографический труд выдающегося татарского просветителя Каюма Насыри «Мифтах аль-Кур'ан». Труд является первым в мусульманском мире конкордансом Корана и имеет важное значение для коранистики и востоковедения в целом. Труд, завершённый автором в 1886 г., ранее никогда не издавался и сохранился в виде рукописной книги. В научный оборот впервые вводится общая информация о рукописи, методологии, лежащей в её основе, и присущих ей особенностях. Работа сохраняет свою актуальность в контексте социализации ислама и воссоздания отечественной школы корановедения. Представляет интерес для исламоведов, специалистов, занимающихся исследованиями Корана, арабистов, филологов и историков. Приложение к статье содержит вступительное слово Каюма Насыри к рукописи в переводе на русский язык.

Ключевые слова: научное наследие Каюма Насыри, Коран, корановедение, татарская богословская традиция, конкорданс Корана, кораническая текстология, история татарской и мусульманской лексикографии, лексическая единица Корана, словарный текст.

Более 130 лет тому назад выдающийся татарский просветитель, учёный Каюм Насыри составил первый в мусульманском мире конкорданс Корана «Мифтах аль-Кур'ан», представляющий собой словарь лексических единиц Священного писания. Труд сохранился в виде рукописи, однако до сих пор пребывал в забвении. И лишь благодаря воле Всевышнего к 190-летнему юбилею Каюма Насыри факсимиле рукописи этого уникального труда смогло увидеть свет¹.

Данный труд татарского учёного является не только замечательным образцом иджтихада мусульманина-интеллектуала, но научным инструментом, который во многом облегчит путь к пониманию Священного писания ислама. «Мифтах аль-Кур'ан» Каюма Насыри особенно востребован в наши дни, поскольку исламский фактор превратился в важнейший компонент международных отношений в масштабах планеты. Ислам и в нашем многонациональном государстве всегда был и продолжает оставаться важной составляющей внутриполитической и социокультурной

¹ См.: Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 1. Калям Шариф / сост., транслит., пер., предисл. А.Г. Хайрутдинова; вступ. Р.Ф. Шафигуллина. Казань: Познание, Институт экономики, управления и права, 2015; Т. 2. Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан / сост., транслит., пер., вступ. слово А.Г. Хайрутдинова; вступ. статья Р.Ф. Шафигуллина. Казань: Познание, Институт экономики, управления и права, 2015.

действительности. Подчёркивая значимость исламского дискурса России, президент В. В. Путин в своей речи на открытии Московской Соборной мечети сказал: «Сегодня традиционный ислам — это неотъемлемая часть духовной жизни нашей страны. Его гуманистические ценности, как и ценности других наших традиционных религий, учат людей милосердию, справедливости, заботе о близких»¹.

Труд Каюма Насыри не менее востребован на фоне деструктивных действий «со стороны как внешних, так и внутренних сил, ставящих целью в конечном итоге разрушение сильного самостоятельного государства с тысячелетней историей, <...> духовную и культурную десувенизацию страны, подрыв позиций традиционных религий России, размывание ценностного консенсуса её многонационального и многоконфессионального народа, сумевшего обрести и сберечь собственную уникальную цивилизационную идентичность»². Проводники деструктивной идеологии пользуются отсутствием у мусульманского населения страны знаний о выдающихся отечественных деятелях ислама, учёных и богословах, религиозных мыслителях и просветителях, а также неведением народных масс о написанных ими выдающихся научных, религиозных и философских трудах, пронизанных идеями духовного развития и гуманизма. В такой ситуации под видом исламских наук в сознание людей с лёгкостью внедряются чуждые для российской мусульманской традиции идеологические установки. Знания о выдающихся российских мусульманских учёных и знакомство с их трудами (в т. ч. и с наследием Каюма Насыри) могло бы стать не только предметом гордости для российских мусульман, но и фундаментом их дальнейшего прогресса, оградив их от разрушительных влияний извне.

Труд Каюма Насыри органично вписывается в контекст Концепции подготовки специалистов с углублённым и знанием истории и культуры ислама, принятой и реализуемой правительством РФ. Концепция представляет собой комплекс основных положений и моделей организации образовательных программ по подготовке специалистов упомянутого профиля³ и является составной частью жизненно важного для России процесса социализации ислама, о которой В. В. Путин сказал следующее: «Новая социализация ислама должна рассматриваться как развитие традиционного мусульманского образа жизни, мышления, взглядов в соответствии с современной социальной действительностью в противовес идеологии радикалов, сталкивающих верующих в средневековье»⁴.

¹ Путин В. В. Выступление на открытии новой Московской Соборной мечети. Доступ: <http://pwo.su/10554-vystuplenie-putina-na-otkrytii-novoy-moskovskoy-sobornoj-mecheti.html>

² *Кашаф Ш. П.* Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России // Ислам в современном мире. 2015; № 11(4). С. 50.

³ См.: Концепция подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама: редакционная статья // Ислам в современном мире. 2015; № 11(4). С. 63.

⁴ Встреча Владимира Путина с муфтиями духовных управлений мусульман России. Доступ: <http://rusisworld.com/about/ufimskie-tezisy>

Концепция вплотную занимается решением актуальных задач, которые были озвучены в выступлении В. В. Путина на открытии Соборной мечети в Москве, где он сказал: «Государство будет и впредь помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования»¹. Как видим, воссоздание отечественной школы мусульманского богословия подразумевает, прежде всего, обращение к богословским и религиозно-философским трудам прогрессивных татарских мусульманских религиозных деятелей и просветителей-гуманистов, одним из ярчайших представителей которых является Каюм Насыри.

Каюм Насыри родился зимой 1825 г. в деревне Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии в семье муллы Габденнасыра Хусаинова². Этому человеку суждено было стать великим татарским просветителем, учёным-энциклопедистом, педагогом и издателем, основоположником татарской науки Нового времени, которого немецкий исследователь истории татарской общественной мысли М. Кемпер называл не иначе как «центральной фигурой “секулярной” татарской науки»³.

В научном и творческом наследии Каюма Насыри нашли отражение сложные перипетии истории татар, волею судеб объединивших в своём бытии две культуры — Запада и Востока. С одной стороны, татары есть плод могучего древа, уходящего своими корнями в глубокую и великую тюркскую историю Евразии, к которому в своё время был привит сильный мусульманский компонент. Именно соки этого древа изначально питали национальную культуру, определяли менталитет народа, его отношение к окружающему миру и к жизни. Благодаря этим особенностям своей истории татары сложились в буквальном смысле как «люди книги», как народ, почитавший письменное слово и образованность, начиная с самых древних своих тюркских истоков. С другой стороны, в эпоху Каюма Насыри татары жили в культурной среде ориентированного на Запад Русского государства. На них так или иначе оказывали влияние процессы, происходившие в российской экономике, культуре, мировоззрении, образовании и просвещении, подталкивая национальную интеллектуальную элиту к переменам во всех сферах жизни.

Принято считать, что необходимость обновления духовной жизни татарского мусульманского социума, поиск и становление новых форм образования и воспитания, межнационального общения, возникли в результате формирования в России буржуазно-капиталистических

¹ Путин В. В. Выступление на открытии новой Московской Соборной мечети. Доступ: <http://pwo.su/10554-vystuplenie-putina-na-otkrytii-novoy-moskovskoy-sobornoj-mecheti.html>

² Более подробно о дате рождения Каюма Насыри см.: Гайнуллин М. Каюм Насыри (тормышы һәм иҗат юлы) // Каюм Насыри. 1925–1945 (тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары). Казан: Татгосиздат, 1948. С. 4.

³ Кемпер М. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. Казань: Российский исламский университет, 2008. С. 575.

отношений¹. В этом имеется известная доля истины, но всё же было бы неверным сводить появление прогрессивных явлений в татарской социокультурной и духовной сфере лишь к экономическому фактору. Представители национальной буржуазии, осознающие необходимость перемен, лишь помогали новым веяниям закрепляться в жизни. Ведь очевидно, что новые культурные тенденции создавались и внедрялись представителями религиозного и нарождающегося светского крыла татарской интеллигенции. Что касается эпохи Каюма Насыри, то она характеризуется как период возникновения сугубо научного интереса к национальному языку, истории, культуре, в котором ведущую роль играла группа интеллектуалов². Поэтому деятелей общественной мысли трудно заподозрить в преследовании собственных экономических интересов, нацеленных на развитие предпринимательства, производства и т. п.

Следующий момент, на который следует обратить внимание — это чрезвычайная для татарского социума значимость религиозного фактора. Например, С. А. Зенковски отмечает, что «мусульмане Азии и Восточной Европы чаще идентифицировали себя религией и культурой ислама, чем какими-либо этническими или расовыми группами»³. В этом свете естественно, что всё новое, входящее в жизнь татарского мусульманского социума, должно было иметь соответствующее религиозно-богословское обоснование.

Следует учитывать и наследственно-генетическую склонность татарских просветителей и религиозных обновителей к учению, образованию, научному и литературному творчеству. Здесь же отметим роль традиционного татарского воспитания, характерной особенностью которого является дух почтительного отношения к грамоте, знанию, книге, которая определяла интеллектуальные запросы народных масс. Также нельзя обойти вниманием значимость национальных эстетических ценностей, вне всякого сомнения, оказывавших влияние на личностное становление как прометеев татарского народа, так и рядовых его представителей.

Перечисленные выше особенности были присущи биографиям выдающихся татарских общественных деятелей — предшественников К. Насыри, которые, трудясь на ниве просветительства, внесли огромный вклад в интеллектуальное и духовное пробуждение татарского народа. В этом ряду можно назвать имена богословов Габдерахима Утыз-Имяни (1754–1834), Габденнасыра Курсави (1776–1812), Шигабутдина Марджани (1818–1889) и многих других, а также педагогов из знаменитой ди-

¹ См.: Юзеев А. Н. Просветительская мысль татарского народа (XIX — нач. XX вв.): монография. Казань: Татарское книжное издательство, 2014. С. 87.

² См.: Хабутдинов А. Ю. Татарское общественное движение в российском сообществе, конец XVIII — начало XX вв. Доступ: <http://cheloveknauka.com/tatarskoe-obschestvennoe-dvizhenie-v-rossiyskom-soobschestve-konets-hviii-nachalo-hh-vv>

³ Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1960. С. 8.

настии Хальфиных — Сагита Хальфина (1732–1785), Исхака Хальфина (ум. 1800), Исмаила Хальфина (ум. во 2-й пол. XVIII в.), Ибрагима Хальфина (1778–1829) и др. Упомянем также имена педагогов Салихджана Кукляшева (1811–1864), Абдуллы Вагапова (1814–1876), братьев Хусаина (1823–1866) и Габдулгалляма (1850–1910) Фаизхановых, Мухаммад-Гали Махмудова (1824–1891).

В биографии и творчестве Каюма Насыри, которому довелось жить в переломную для татарской культуры и мировоззрения эпоху, также нашли отражение перечисленные выше особенности. Например, Каюм Насыри, которого называли «татарским Ломоносовым»¹, писал, что любовь к учению и наукам передалась ему по наследству от знатных и образованных предков, родословное древо которых уходило своими корнями в эпоху Великой Булгарии. В частности, отец будущего учёного, вопреки поучениям мулл-традиционалистов о том, что эпоха иджтихада прошла, наставлял своих сыновей словами: «Иджтихад — нужное дело для каждого»².

Следует отметить также, что роль посредника между двумя мирами — татарским и русским — была издревле присуща роду Каюма Насыри. Например, один из его предков муллы Габдераззак, сын казачьего атамана Бираша (получившего этот титул указом одного из казанских ханов), позднее служил московским правителям, был лично знаком с ними и сделал головокружительную по тем временам карьеру³. Впоследствии роль посредника между властями и своими соплеменниками выполнял Альмухаммад — один из потомков Габдераззак-муллы. Отец Каюма Насыри также пользовался своим отличным знанием русского языка при отстаивании интересов односельчан перед представителями власти. Сам Каюм Насыри отмечал, что его стремление к овладению русским языком было обусловлено семейной традицией, а не только желанием приобщиться к достижениям европейской культуры⁴.

Упомянутая выше традиция в дальнейшем сослужила Каюму Насыри добрую службу, дав ему возможность на равных сотрудничать на научном поприще с видными профессорами Казанского университета и завоевать признание в глазах российского научного сообщества. Так, профессор Санкт-Петербургского университета В. Григорьев писал: «...никто еще до г. Насырова не подумал приподнять покрывало ислама собственно с того племени, которое само себя, во всей восточной России, зовет Ногайцами, а между нами, русскими, известно под именем Татар <...> Такого наблюдателя из татар-магометан, каким является в труде своём г. Насыров, не бывало ещё у нас, да быть может, и во всём

¹ *Жалэй Л.* Каюм Насыри. Суз башы // Каюм Насыри. Избранные произведения (на татар. яз.). Казань: Татгосиздат, 1945. С. VI.

² *Гайнуллин М.* Каюм Насыри (Тормышы һәм ижат юлы) // Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр. Казан: Таткнигоиздат, 1956. С. 13.

³ *Гайнетдин М.* Каюм Насыри: шәхес һәм ижат // Насыри К. Сайланма әсәрләр. 4 томда. 1 том. Казан: татар кит. нәшр., 2003. С. 5–6.

⁴ Там же. С. 7.

мусульманском мире. Это первый из наших мусульман, которого европейское образование, полученное им в Казанском университете, подняло в умственном отношении на такую высоту, что он мог отнестись к исламу объективно»¹.

Научное и творческое наследие Каюма Насыри никогда не оставалось вне внимания исследователей. Благодаря их труду были оценены широта и грандиозный масштаб научной деятельности Каюма Насыри, которую он вёл в области точных, естественных и гуманитарных наук. Не может не впечатлить перечень дисциплин, по которым «истинно народный педагог, первый среди татар открывший детям путь в мир знаний»² написал школьные учебники для татарских детей: это ботаника, география, физика, арифметика, геометрия, физиология, гигиена, агрономия, кулинария. Известен также его непревзойдённый вклад в развитие татарской филологии и этнографии. Например, число его трудов по татарскому языкознанию было столь велико, «сколько было бы под силу разве что целому научно-исследовательскому институту»³. Исследователями должным образом была оценена и выдающаяся роль учёного в деле налаживания культурных и научных контактов между миром российской науки и татарской учёности. Достаточно вспомнить о его активной и до глубокой старости продолжавшейся работе в качестве действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете⁴. Трудно перечислить имена всех именитых российских учёных, с которыми Каюм Насыри поддерживал научные связи и дружеские отношения. Назовем лишь некоторые из них: это Г. Ахмеров, И. Гаспринский, И. Готвальд, В. Григорьев, Н. Ильминский, Н. Катанов, Ш. Марджани, О. Лебедева, П. Поляков, Г. Саблуков, А. Ясницкий, Н. Фирсов, Я. Фортунатов и др.

Каюм Насыри активно привлекал к делу народного просвещения и религиозный аспект татарского бытия, поскольку именно религия определяла основы мировоззрения и менталитета татар. С другой стороны, для Каюма Насыри как «продолжателя династии известных богословов проблемы исламоведения, мусульманского богословия и коранистики всегда имели большое значение»⁵. Религиозные и религиозно-художественные произведения, написанные К. Насыри, составлены в соответствии с требованиями мусульманской книжной традиции как по форме, так и по содержанию. Здесь следует назвать такие сочинения, как

¹ Григорьев В. Предисловие // *Насыров Каюм*. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на их жизнь суннитского магометанства. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1880. С. 2. Доступ: <https://docs.google.com/file/d/0B0K47JLp4QpaQkhiNGhmcDZRvkk/edit?pref=2&pli=1>

² Мәһдиев М.С. Сзып ак нур белән...: шөхесләребез тарихыннан: фәнни-публицистик мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. Б. 144.

³ Там же. С. 139.

⁴ Гайнуллин М. Каюм Насыри // *Насыри К.* Избранные произведения / пер. с татар. Казань: Татарское книжное издательство, 1977. С. 5.

⁵ Шафигуллина Р.Ф. «Вершина моего иджтихада...» // Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 2. *Насыри К.* Мифтах аль-Кур'ан. Казань, 2015. С. 32.

«Мухтасар таварих анбия»; «Маджма' ал-ахбар»; «Акаид исламия», «Китаб ат-тарбия», «Ахляк рисалясе», «Фаваких ал-джуласа фи ал-адабият», «Кабус-наме», «Кырык везир», «Кырык бакча», «Джавахир ал-хикаят», и др.

Как видим, работая в религиозной тематике, учёный выступал как в роли богослова — знатока ислама, так и прогрессивного мыслителя, знакомящего своих читателей с высокими этическими и гуманистическими ценностями ислама, показывая его как учение, обращённое к высокому разуму, мыслительным способностям и духовным потенциалам человека. Сказанное верно как для трудов учёного по исламскому богословию, так и для его религиозно-художественных произведений, посвящённых проблемам воспитания, этики и реабилитации свободы разума. Даже художественно-литературные произведения Каюма Насыри, полностью посвящённые воспеванию высокой роли разума и свободы мысли, тем не менее, выстроены на идейно-содержательной основе постулатов Корана и духовно-нравственных канонов ислама.

Религиозно-художественные произведения Каюма Насыри стали продолжением лучших традиций татарской книжности, транслировавшей в народные массы идеи гуманизма, прославляющие красоту человеческой нравственности и высшие достоинства личности: свободулюбие, отвагу, мужество, великодушие, честь, скромность, доброту. Сочинения Каюма Насыри пробуждали в человеке силу живой самостоятельной мысли, его логико-аналитические способности, учили критически воспринимать информацию и переоценивать внушённые с детства догмы, уметь отличать полезное и нужное «мирское» от бесполезного и ненужного «сакрального» и смело выбирать полезное, способное внести позитивные изменения в жизнь людей¹. Например, в книге «Китаб ат-тарбия» Каюм Насыри пишет о том, что преподавание в медресе, основанное лишь на чтении рассказов о, например, «худом и толстом шайтанах», отнимает время и губит жизни учеников. Здесь же, привлекая внимание читательской аудитории к абсурдным моментам, касающимся описания ада в книге «Фазаил аш-шухур», он задаёт вопрос: «Какая польза для ребенка в словах о том, что грешников будут подвешивать к потолочным балкам ада? Почему вы не задумаетесь о таких вещах? Вы считаете это знанием и говорите: "О! Вот ведь какие вещи узнал мой сынок в медресе!" У ада, оказывается, есть перекладыны! Из железа? Коль так, то они расплавятся. Из дерева? Если из дерева, то сторят! Почему у вас не хватает ума понять это?»².

Помимо интеллектуального пробуждения народных масс, творческое наследие Каюма Насыри сыграло огромную роль в становлении целого поколения ярких мыслителей, писателей и общественных деятелей бо-

¹ Хайрутдинов А. Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Фэн, АН РТ, 2005. С. 67.

² Насыри К. Тәрбия китабы // Насыри К. Сайланма әсәрләр. Казан: Таткнигоиздат, 1956. С. 69.

лее позднего времени. Французский исследователь Лемерсье Келькёже отмечала, что плеяда татарских писателей начала XX в., таких как Габдулла Тукай, Маджид Гафури, Шаехзаде Бабич, Гаяз Исхаки, Галимджан Ибрагимов, никогда бы не обрела свой блеск без предварительной работы Каюма Насыри¹.

Переходя к описанию работы «Мифтах аль-Кур'ан», прежде всего необходимо отметить, что её автор не только самым серьёзным образом занимался составлением словарей, но и заложил основы татарской лексикографии. Его перу принадлежат такие лексикографические труды, как «Татарча-русча лугат» (1878), двухтомник «Полный русско-татарский словарь» (1892), «Ляхджаи татари» (1896). Последней работе видный тюрколог Н. Ф. Катанов посвятил отдельную статью в журнале «Деятель» (№ 3, 1897), в которой дал высокую оценку работе, назвав её весьма полезной для тюркологов и высказав пожелание о скорейшем переводе данного словаря на русский язык². Таким образом, словарь к Корану «Мифтах аль-Кур'ан», с одной стороны, является одним из крупных лексикографических трудов Каюма Насыри, а с другой — первым в истории исламской учёности научным трудом подобного рода.

До появления словаря Каюма Насыри западное исламоведение уже было знакомо с научными работами по лексикографии Корана. Так, первый словарь-конкорданс Корана составил немецкий корановед Густав Леберхт Флюгель (1802–1870). Работа была напечатана в 1842 г. в Германии под названием «Concordantiae Corani arabicae». Второй подобный труд под названием «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги» был подготовлен выдающимся российским ориенталистом Мирзой Казем-беком (1802–1870) и увидел свет в 1859 г. в России. Таким образом, в истории научной коранистики словарь Каюма Насыри «Мифтах аль-Кур'ан», является третьим лексикографическим трудом по Корану.

Информация о данной рукописной работе Каюма Насыри была обнаружена в статье татарского учёного Мухаммада Гали³, посвящённой рукописному наследию Каюма Насыри⁴. Как оказалось, упомянутая рукопись хранится в отделе редких рукописей и книг (ОРРК) Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. В фондах ОРРК были выявлены две рукописи Каюма Насыри с одним и тем же названием. Обе рукописные книги имеют большой формат и объём, они хорошо сохранились, исполнены калли-

¹ См.: *Lemercier-Quellejey Ch. Un réformateur tatar au XIXe siècle: `Abdul Qajjum Al-Nasyri // Cahiers du monde russe et soviétique, 1963. Vol. 4. No 1–2. Janvier-juin. P. 117–142. URL: http://www.persee.fr/doc/AsPDF/cmr_0008-0160_1963_num_4_1_1540.pdf*

² *Хангильдин В. Каюм Насыри һәм татар лексикографиясе // Каюм Насыри. 1925–1945 (тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары). Казан: Татгосиздат, 1948. С. 89–90.*

³ Мухаммад Гали (Галиев Мухаммад Валиевич, 1893–1952) — учёный-литературовед, писатель и журналист, исследователь наследия Каюма Насыри.

⁴ *Гали М. Каюм Насыриның кулъязма мирасы // Каюм Насыри, 1925–1945 (тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары). Казан: Татгосиздат, 1948. С. 120.*

графическим почерком *наста'лик*, обе доведены до завершения. Осмотр рукописей приводит к предположению о том, что они представляют собой черновик и беловик одного и того же труда. Возможно, это объясняется тем, что, начиная составлять свой словарь к Корану, Каюм Насыри не предполагал, что сперва придётся составить его черновой вариант. Однако погружение автора в процесс отбора коранических слов, их расстановки в алфавитном порядке, появление неожиданных технических нюансов отразилось на компоновке рукописи: автор был вынужден вносить дополнительные составные элементы своего словаря на поля книги, а когда для этого не хватало места — вклеивать небольшие листки бумаги и писать на них неизменно великолепным почерком. Со временем составитель осознал, что без черновика ему не обойтись, равно как и без последующей переписки набело. Автора можно понять, поскольку он был первым из мусульманских учёных, кто делал подобную работу, и, не имея перед собой образца, он не мог представить всей сложности титанической работы, которую он взялся выполнить. По сообщению самого учёного, работа над словарем продолжалась четыре года и была закончена 13 декабря 1886 г. Из заметки, оставленной рукой автора на 3-й странице форзаца (т. е. в конце рукописной книги), следует, что словарь вобрал в себя около 46 200 составных элементов, хотя во вступительном слове автор говорит лишь о 25 000. Возможно, разница объясняется тем, что подсчет производился им в разное время: сперва во вступительном слове, затем — в конце рукописи.

Рукопись представляет собой книгу, состоящую из брошюрованных тетрадей, сшитых в книжный блок, который заключён в твёрдый переплёт с матерчатым корешком. Размер обложки по ширине составляет 190 мм, по высоте — 275 мм. Размер страниц словаря совпадает с размером обложки. Книга имеет 4 страницы форзацев. Сохранность переплёта и самой книги хорошая.

Объём книги с учётом незаполненных листов составляет 424 страницы. Страницы не имеют авторской нумерации, однако в левом верхнем углу каждого разворота современными арабскими цифрами карандашом проставлена библиотечная, т. е. не авторская, нумерация. Всего пронумеровано 212 разворотов.

Бумага, на которой исполнена рукопись, представляет собой линованные светло-голубым красителем листы фабричного изготовления. Встречаются листы с разной частотой линования — в 16 и 27 линеек. На листах с 16 линейками размещено вступительное слово автора, тогда как основной текст рукописи исполнен на листах с 27 линейками.

Структура словаря включает в себя вступительное слово автора и собственно текст словаря. Титульный лист не оформлен. Название книги упоминается только во вступительном слове автора. Вступительное слово автора написано на старотатарском языке арабской графикой и размещено на разворотах № 9 и 10 рукописи, согласно библиотечной нумерации. Кроме этого, на 3-м листе форзаца имеется небольшая авторская запись на татарском языке с расчётом числа заглавных элементов.

Основной текст рукописи, представленный сверхсловными единицами, т. е. словосочетаниями, фразами и даже целыми предложениями, начинается с разворота № 14, хотя отдельные сверхсловные единицы помещены автором на некоторых предыдущих страницах, в частности на странице, которая, согласно современным схемам, отводится под титульный лист.

Что касается топографии основного текста, то она выглядит оригинально: текст (словарные статьи, названия глав и подглав, далее — разделы) размещены на страницах в двух колонках (столбцах). Для удобства деления на колонки на каждой странице расчерчена специальная рамка, состоящая из двух вертикальных линий. Одна из линий проходит ближе к внешнему полю страницы, другая — по её центру. В верхней части обе линии соединены горизонтальной линией того же цвета.

Названия глав прописаны отдельными строками в границах соответствующих колонок. То же относится и к названиям разделов за редким исключением, когда автор был вынужден выносить их на поля страницы. Основной текст рукописи выполнен чёрными чернилами, однако названия глав и разделов выполнены красными чернилами, что, несомненно, украшает текст и облегчает работу с ним. Работу со словарём облегчают также пометки в виде коротких волнистых горизонтальных черточек, выполненных чернилами красного цвета, над названиями коранических сур. В рукописи имеется большое число добавленных сверхсловных единиц, которые автор вписывал более мелким письмом между строк основного текста либо в виде паратекста на полях страниц. Некоторые добавления написаны автором на специальных вклейках, представляющих собой небольшие листы бумаги, вклеенные на разворотах № 43, 131, 179.

Основной текст рукописи разбит на главы — *Бāб*. Всего автором выделено 28 глав. Названия глав образованы от названия той или иной буквы арабского алфавита (с сохранением их алфавитного порядка за исключением буквы «хамза»), которыми начинаются те или иные слова Корана. Например: *Бāб ал-хамзати ал-истифхāмиййа* (Глава вопросительной «хамзы»), *Бāб ал-бā'* (Глава «ба»), *Бāб ат-тā'* (Глава «та»), *Бāб ас-сā'* (Глава «са»), *Бāб ал-джīm* (Глава «джим»).

В свою очередь, каждая глава состоит из разделов, представляющих собой сочетания букв, которыми начинаются слова Корана. Например, *ал-алиф ма'а ал-бā'* (Глава «алиф» с «ба»), *ал-алиф ма'а ат-тā'* (Глава «алиф» с «та»), и т. д. Автор также выделил раздел *аджзā' ал-Кур'āн* (Джузы Корана), куда он поместил слова, которыми начинаются 30 частей-джузов Священного писания.

Всего автором выделено более 160 разделов или, точнее, буквосочетаний, с которых начинается та или иная сверхсловная единица Корана. Больше всего разделов выделено для букв «фа» (28 комбинаций), что соответствует числу всех возможных начальных комбинаций, и «алиф» (26 комбинаций). Отметим, что при этом сама буква «алиф» не была выделена автором в отдельную главу, тогда как букве «хамза» посвящена

отдельная (первая) глава. Данный факт отражает глубину познаний автора в области арабского языкознания, согласно которому буква «алиф» не обозначает звука, но служит лишь «подставкой» для буквы «хамза», которая, в свою очередь, обозначает звук, но не входит в число букв арабского алфавита.

В ряде случаев в начальной части ряда глав автор выделял разделы буквосочетаний, но не доводил подобное деление до конца главы. Сказанное относится, например, к главе *Bāb at-tā'*, которая начинается разделами буквосочетаний *at-tā' ma'a al-aliḥ*, *at-tā' ma'a al-bā'*, тогда как последующие сочетания буквы «*at-tā'*» с другими буквами не выделены в отдельные разделы.

Некоторые главы вообще не имеют деления на разделы, что, возможно, было обусловлено относительно небольшим числом коранических слов, начинающихся на букву, вынесенную в название главы. Сказанное относится, в частности, к главам *Bāb al-djīm*, *Bāb al-xā'*, *Bāb al-xā'* и ряду других.

Структура ещё одной группы глав рукописи была обозначена автором несколько иначе. Например, в главе *Bāb aṣ-ṣād* вводится следующая схема организации её содержания: *Bāb aṣ-ṣād ma'a al-bā' wa gayriha ula āḫiri al-ḫurūf*, т. е. «Глава (буквы) “сад” с (буквой) “ба” и иных до последней из букв».

Что касается содержания заглавных единиц словаря, то они построены автором по следующей 3-элементной схеме.

1-й элемент: Сверхсловная единица Корана, написанная на арабском языке без использования диакритических знаков-огласовок.

2-й элемент: Название суры на арабском языке без использования огласовок и отдельного слова *сура*. Напомним, что над названиями сур автором проставлен исполненный красными чернилами специальный волнообразный знак-маркер, напоминающий тильду. Данный приём позволяет визуально отделить название суры от предшествующего ему фрагмента коранического текста.

3-й элемент: Номер страницы в казанском издании Корана 1861 г., на которой находится соответствующая сверхсловная единица.

Например:

عليه توكلت واليه انيب هود ٣٥١

Как видим, каких-либо строчных знаков для отделения друг от друга лексических единиц, названий сур и номеров страниц в заглавных единицах словаря автором не предусмотрено, за исключением уже упомянувшегося надстрочного маркера красного цвета, указывающего на названия сур и который по техническим причинам не отражён в примере, приведённом выше.

Сверхсловные единицы, входящие в состав заглавных единиц словаря, состоят, как минимум, из двух слов. Здесь следует отметить, что автор не видел нужды в переводе сверхсловных единиц Корана на татарский язык. Максимальное число слов в сверхсловных единицах может

достигать 6–7. Как уже подчёркивалось выше, диакритические знаки отсутствуют. Ниже приводятся примеры заглавных единиц с различным числом слов в сверхсловных единицах:

رب العالمين جاثية ٤٤ ل٦
عالم الغيب والشهادة تغابن ل١١
عليه توكلت واليه انيب هود ٣٥١
ظن انه ناج منهما اذكرني عند ربك يوسف ١١٢

Особо следует выделить особенности отбора лексического материала в словаре «Мифтах аль-Кур’ан». Как видно из приведённых выше примеров, за основу каждой заглавной единицы автором были взяты устойчивые словосочетания, т. е. законченные в смысловом отношении сверхсловные единицы коранического текста. Например, в главе *Bāb at-tā’* автор приводит глагол *таджрӣ*, которым начинаются 54 заглавных единицы. Данный глагол входит в состав следующих сверхсловных единиц:

تجرى باعيوننا
تجرى بأمره الى الارض
تجرى بأمره رخاء حيث اصاب
تجرى بهم في موج كالبحال ونادى نوح
تجرى في البحر بنعمت الله
تجرى في النجر بما ينفع الناس
تجرى من تحنهم فاهلكناهم
تجرى من تحنها الانهار

Отметим, что все приведённые выше сверхсловные единицы повторяются единожды за исключением последней, которая в словаре приводится 40 раз. Таким образом, пример с глаголом *таджрӣ* ещё раз демонстрирует, что «Мифтах аль-Кур’ан» является словарем коранических словосочетаний (или сверхсловных единиц Корана). Данная особенность представляет собой основное и самое существенное отличие работы Каюма Насыри от корановедческих трудов западных учёных, которые, следуя традициям западноевропейской научной парадигмы, «разбирали» Коран на отдельные не связанные между собой слова. Что касается татарского учёного, то, будучи мусульманином, он воспринимал Коран прежде всего как цельный священный текст, состоящий из неделимых семантико-синтаксических единиц. Таким образом, именно «фактор веры» оказался решающим в выборе методологии составления словаря «Мифтах аль-Кур’ан». Тот же фактор определяет достаточно высокие требования к уровню подготовки пользовательской аудитории, которой был адресован данный труд. В частности, во вступительном слове к своей работе К. Насыри чётко обозначил как причины, подтолкнувшие его к составлению словаря, так и круг людей, в помощь которым его словарь создавался: «Причина составления и написания данного трактата, именного “Мифтах аль-Кур’ан”, заключается в том, что я увидел, что когда, читая религиозную литературу или проводя занятия, наши устазы

и мударрисы соприкасаются с тем или иным аятом Корана, то они часто задаются вопросом: “А в какой суре находится данный аят?” Это приводит их к необходимости иметь под рукой особую, удобно устроенную книгу, предназначенную для поиска искомого»¹.

Иными словами, словарь предназначался прежде всего для круга лиц, обладающих серьёзным знанием Корана: богословов, кадиев, имамов, преподавателей религиозных дисциплин, проповедников, коран-хафизов и т. д. Специалисты такого рода не оперируют отдельными словами Корана, поскольку, будучи вырванными из контекста, они для них бесполезны. Отдельно взятые слова Корана при определённых обстоятельствах могут быть даже не узнаны, поскольку представляют собой активную лексику, в частности, литературного арабского языка. Конечно, можно сосчитать число слов, использованных в Коране, распределить их по грамматическим параметрам и т. д. Но такие данные не имеют какой-либо духовной ценности, оставаясь фактом чистой математики или лингвистической статистики. Между прочим, в наши дни даже на мусульманском Востоке преобладает подобный «препараторский» подход к лексикографии Корана². Однако когда речь идёт о цельном кораническом словосочетании, фразе, предложении, то они имеют совершенно иное звучание, представляя собой яркий образ, находящий мгновенный отклик как в памяти верующего, так и в его воображении. Верующие люди, имеющие соответствующий уровень знания Корана, оперируют цельными фразами из него, помнят их наизусть, при необходимости могут прочесть по памяти не только отдельные аяты, но целые суры и даже весь Коран. Именно эту особенность восприятия Корана человеком и использовал Каюм Насыри в своей работе. В этом смысле словарь сверхсловных единиц Корана, составленный татарским учёным, является совершенно уникальным и непревзойдённым трудом.

Ещё одной особенностью словаря «Мифтах аль-Кур’ан», на которую следует обратить внимание, является то, что в заглавных единицах автор указывал не номера аятов, но, как уже было отмечено выше, номера страниц типографского издания Корана. Что касается типографского издания Священного писания, то здесь сразу же вспоминается тот факт, что Казань является первым в России городом, в котором было налажено типографское тиражирование Корана, отвечающее требованиям шариата³. С другой стороны, необходимо учесть, что Каюм Насыри не только тесно общался с профессорами Казанского императорского

¹ Мифтах аль-Кур’ан. В 2 т. Казань, 2015. Т. 2. Насыри К. Мифтах аль-Кур’ан. С. 7. Полный текст вступительного слова К. Насыри к рукописи «Мифтах аль-Кур’ан» см. в Приложении.

² См.: Şaban Kurt. Kur’ân-ı Kerim sözlerini bulma kılavuzu. Elifbâi dizin. İstanbul: Çağrı Yayınları, 2009.

³ В России Коран издавался в типографии Академии наук в Санкт-Петербурге в течение 1789–1798 гг. Этим занимались состоящие на военной службе татары Хамза Мамышев, Гали Рахматуллин и Курбангали Исаков под руководством муллы Гусмана Исмагилова. Гусман мулла разработал в этих целях специальный арабский шрифт, который позже лёг в основу знаменитых «Казанских Коранов». В 1801–1802 гг. данный шрифт был перевезён в Казань, где печатание Корана типографским способом было поднято на новый качественный и количественный уровень.

университета, но и являлся поборником прогрессивных явлений. Поэтому вполне естественно, что в работе над своим словарём учёный использовал одно из казанских типографских изданий Корана. И здесь закономерно возникает вопрос: по какой причине учёный проигнорировал общепринятый способ обозначения позиции того или иного аята и вместо этого указывал номера страниц? Ведь очевидно, что порядок нумерации страниц может изменяться в каждом новом издании Священного писания, и в таком случае словарь окажется пригодным для работы только с одним изданием Корана¹.

В ходе поиска ответов на вопросы, возникшие в ходе исследования рукописи Каюма Насыри, была выявлена ещё одна интересная деталь. Как оказалось, привычный для нас способ работы с Кораном, а именно поиск нужных сур и в особенности аятов по их номерам, не был известен на мусульманском Востоке. Мусульманские учёные, работавшие с Кораном, не присваивали аятам номера. Если уж в первые века ислама в Коране отсутствовали прибуквенные точки и диакритические знаки, то стоит ли удивляться тому, что во все века мусульмане обходились без нумерации аятов? Отсутствие нумерации аятов свойственно и упомянутому выше изданию Корана 1861 года из библиотеки И. Готвальда: аяты в нём разделены специальным значком-розеткой без какого-либо намёка на их нумерацию в типографском исполнении. Поэтому владелец книги, будучи представителем западной научной традиции, был вынужден вписать номера аятов и сур собственноручно.

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что новшество в виде присвоения номеров аятам Корана было введено в корановедение западными ориенталистами. Возможно, метод номерной адресации аятов Корана впервые использовал Г. Флюгель, поскольку этот приём мог оказать учёному решающую помощь в работе над составлением его конкорданса.

Нумерация аятов Корана западными востоковедами XIX в., во-первых, представляла собой применение в плоскости корановедения уже устоявшихся в науке методов изучения Библии, а во-вторых, являлась отражением растущего интереса западного общества к священной книге мусульман и превращением западного исламоведения в серьёзную науку. В этом свете вклад Г. Флюгеля в корановедение прижился не только в западном исламоведении, но позднее был заимствован мусульманскими издателями Священного писания.

Поскольку просмотренные нами источники по корановедению не дают ответа на вопрос о том, когда была внедрена нумерация аятов Корана, то эта незначительная, на первый взгляд, деталь, открывшая-

¹ Искомое типографское издание Священного писания также было обнаружено в уже упоминавшемся ОРК научной библиотеки К(П)ФУ. Оно представляет собой издание типографии Казанского императорского университета от 1861 г., принадлежавшее выдающемуся востоковеду Иосифу Федоровичу Готвальду (1813–1897). После его кончины оно в числе книг личной библиотеки учёного было передано в дар библиотеке Казанского императорского университета.

ся благодаря исследованию рукописи «Мифтах аль-Кур'ан», может оказаться ценным фактом в деле изучения истории типографских изданий Корана. Кроме этого, знание о том, что аяты Корана не всегда имели номера, позволяет нам понять некоторые особенности коранической текстологии. С другой стороны, эта особенность может пролить свет на вопрос о причинах разночтений в определении числа аятов в различных изданиях Священного писания.

Переходя к оценке значимости уникального труда Каюма Насыри, отметим, что о ней можно говорить с научной, культурологической и религиозной точек зрения.

Если начать с научной оценки, то можно заявить, что момент появления на свет словаря коранических сверхсловных единиц «Мифтах аль-Кур'ан» стал днём рождения татарского научного корановедения и исламоведения в целом. Эта рукопись подняла татарскую филологию и текстологию на уровень западноевропейской и российской ориенталистики.

При этом необходимо помнить, что, в отличие от более чем скромных условий, в которых творил татарский учёный-энтузиаст, западноевропейская и российская ориенталистика развивалась в благоприятных условиях государственных университетов и стабильного бюджетного финансирования. Поэтому можно понять, почему в контексте западной ориенталистики «Мифтах аль-Кур'ан» Каюма Насыри занимает пусть и почётное, но всё же третье место. Однако в истории мусульманской науки и культуры этот выдающийся труд навсегда останется первым. И напомним, что в основе словаря Каюма Насыри лежит уникальная методика, неизвестная ни западному корановедению, ни мусульманским наукам о Коране.

В своё время в силу наличия объективных и, возможно, субъективных причин татарское общество не было в состоянии оценить выдающийся лексикографический труд Каюма Насыри должным образом. А какова была его значимость, нам помогает понять следующий факт: упоминавшийся выше словарь-конкорданс Мирзы Казем-бека, составлением которого он занимался на протяжении 25 (!) лет, был высоко оценен шахом Ирана Насраддином Каджаром (1831–1896). В 1855 г., т. е. за 4 года до появления официальной публикации, иными словами, когда труд учёного представлял собой лишь рукопись, Н. Каджар наградил М. Казем-бека орденом Льва и Солнца первой степени.

Каюм Насыри составил свой словарь за гораздо более короткий срок, и вряд ли при этом он мечтал о наградах. Его целью было создание в помощь мусульманам специализированного справочника для облегчения пользования Кораном и его изучения.

Словарю Каюма Насыри «Мифтах аль-Кур'ан» было суждено дожить до своего второго рождения благодаря благоприятному стечению обстоятельств. В результате на рубеже 2015–2016 гг. было осуществлено благотворительное факсимильное издание двухтомника, состоящего из самого словаря (т. 2: «Мифтах аль-Куран») и типографского издания

Корана 1861 года (т. 1: «Калям шариф»), который был взят Каюмом Насыри за основу его работы¹. Словарь сверхсловных единиц Корана издания 2015 г. может быть использован по назначению. Схема работы проста: во 2-м томе, коим является собственно «Мифтах аль-Кур'ан», необходимо найти ту или иную сверхсловную единицу Корана, местоположение которой в Священном писании требуется выяснить. После этого определяется название суры и номер страницы в томе «Калям шариф». Далее остаётся лишь найти искомую сверхсловную единицу на соответствующей странице этого тома. В этом отношении данный словарь даже в наши дни является замечательным подспорьем в установлении местонахождения аятов Корана, часто встречающихся в трудах татарских богословов прошлого. По понятным причинам эти авторы не указывали «адреса» упоминаемых ими аятов, а зачастую ограничивались лишь тем, что приводили первые слова или фрагмент того или иного аята, рассчитывая на высокий уровень знания Корана их читателями, на способности их памяти, которая, как небезосновательно предполагалось, должна была легко восстановить полный текст аята.

Тот факт, что выдающийся труд Каюма Насыри «воскрес» к новой жизни, несомненно, является радостным и знаменательным событием. Во-первых, оно совпало со 190-й годовщиной со дня рождения учёного. Во-вторых, сокровищница татарской национальной культуры и науки пополнилась уникальным научно-религиозным трудом, который достоин стать предметом гордости татарского народа и замечательным памятником своему создателю.

Говоря об опубликованном труде Каюма Насыри, необходимо отметить ещё одну его особенность, а именно значимость работы в религиозном плане. Несмотря на то что в советское время научные труды учёного изучались и в известной степени популяризировались, религиозная составляющая его наследия по понятным причинам оставалась в стороне от внимания исследователей и была фактически предана забвению. Отныне, благодаря выдающемуся научно-религиозному труду, о котором его современники даже не могли помыслить, имя Каюма Насыри займёт должное место на небосклоне татарской религиозной науки и культуры. Если бы Каюм Насыри за всю свою жизнь не написал ничего, кроме своего словаря словосочетаний Корана, то и этого вполне хватило бы для того, чтобы признать его не только одним из самых выдающихся татарских учёных, но и великим представителем мировой мусульманской науки.

Остаётся выразить надежду, что данный труд будет транслирован на современные носители информации и обретёт новую жизнь, служа научному сообществу и мусульманской умме, как о том мечтал сам автор.

¹ См.: Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 2. Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан...

Вступительное слово Каюма Насыри к трактату «Мифтах аль-Кур'ан»¹

Именем Аллаха Всемилостивого, Всемилосердного

Хвала Аллаху, ниспославшему служителю своему Различение-Фуркан² в качестве увещевания для миров, и да пребудет молитва и мир на господине нашем Мухаммаде, принёсшем нам благую весть и посланному к нам в качестве увещевателя, а также на его домочадцах и сподвижниках, дающих нам свет и освещающих нас.

А далее сей бедный служитель, испытывающий нужду в своём Всевышнем Господе, говорит:

Причина составления и написания данного трактата, именуемого «Мифтах аль-Кур'ан»³, в том, что я увидел, что, когда наши современные устазы⁴ и мударрисы⁵, читая религиозную литературу или проводя занятия, соприкасаются с тем или иным аятом⁶ Корана, то они часто задаются вопросом: «А в какой суре⁷ находится данный аят?» Это приводит их к необходимости иметь под рукой особую, удобно устроенную книгу, предназначенную для поиска искомого. Я и сам не раз терпел неудачу при поисках того или иного аята в Коране. И у скольких бы Коран-хафизов⁸ я не спрашивал, никто из них не мог точно назвать мне суру, в которой находился тот или иной нужный мне аят. Лишь мои обращения к Нури-хафизу⁹, покуда он здравствовал, приносили плоды. Однако после него не осталось ни одного Коран-хафиза, способного дать ответ на подобный вопрос.

¹ Источник: Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 2. Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан... С. 37.

² Фуркан (араб.: аль-Фуркан) — одно из названий Корана. Оно восходит к глаголу *фарака* (разделять, различать) и подразумевает, что это Священное писание учит различать добро и зло, праведное и неправедное.

³ В переводе с арабского языка «Мифтах аль-Кур'ан» означает «Ключ к Корану».

⁴ Устаз (араб.) — учитель, наставник. В контексте татарской мусульманской культуры использовалось как обращение к уважаемому, авторитетному наставнику.

⁵ Мударрис (араб.) — преподаватель. В контексте татарской мусульманской культуры использовалось в качестве обращения к преподавателям национальных образовательных учреждений.

⁶ Аят (араб.) — знак, знамение. Аят представляет собой наименьшую составную часть Корана, которая может быть выражена не только фразой или предложением с законченным смыслом, но и отдельными буквами или их сочетаниями. Часто переводится как «стих», например, «стих Корана», хотя такая интерпретация не совсем верна. Правильнее переводить как «знамение».

⁷ Сура (араб.) — цельный раздел, глава Корана.

⁸ Коран-хафиз — мусульманин, заслуживший духовный сан ввиду знания всего Корана наизусть.

⁹ У татар к имени того или иного человека может добавляться определённый эпитет, который сообщает информацию о достижениях или роде деятельности его носителя. Например, сочетание Нури-хафиз сообщает о человеке по имени Нури, который является Коран-хафизом. Сочетание Мухаммад-хаджи сообщает о человеке, который совершил хадж, сочетание Мухаммад-устаз — об уважаемом учителе по имени Мухаммад и т. д. Данная традиция сохраняется и в наше время.

И вот с целью оказать помощь приверженцам ислама и принести пользу соплеменникам я расставил слова Корана в алфавитном порядке и составил эту книгу, назвав её «Ключ к Корану».

Собранный таким образом Коран составлен не по первым словам аятов, а в порядке алфавитной расстановки всех предложений и слов Корана. Таким образом, читатель, который пожелает найти либо начало, либо конец того или иного аята, надеюсь, легко сделает это. Всего в Коране 6666 аятов¹, а в настоящей книге приводится двадцать пять тысяч или даже более того словарных статей. Знатоки признают, что такого рода книги прежде не было. Можно оценить и такой момент: как я полагаю, этот труд позволит каждому читателю Корана или тафсира ощутить себя достигшим уровня Коран-хафиза.

Надеюсь, учёные мужи выразят свою благодарность словами: «Наконец-то появилась великолепная и столь необходимая для нашего времени книга, способная стать блестящим указателем аятов Корана!»

Вместе с этим «Ключом к Корану» будет издан и собственно сам Коран. В конце каждой словарной статьи «Ключа» указана сура и номер страницы [на которой находится тот или иной аят. — А.Х.]. Сей труд, который я завершил после четырёх лет работы, представляет собой наивысшее проявление моего усердия. Прошу Всевышнего сделать моё старание, которое я посвятил интересам общества, благодаримым.

Аминь.

У меня имеется просьба к учёным мужам, которые будут пользоваться этой книгой, не оставлять без внимания встречающиеся в ней ошибки и вносить свои исправления.

Габделкаюм ибн мулла Габденнасыр аш-Ширдани
15 раби‘ аль-аввал, 1304 года²

Литература

Гайнуллин М. Каюм Насыри // *Насыри К. Избранные произведения* / пер. с татар. Казань: Татарское книжное издательство, 1977. С. 5.

Григорьев В. Предисловие // *Насыров Каюм. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на их жизнь суннитского магометанства*. СПб: Типография В. Безобразова и Комп., 1880. Доступ: <https://docs.google.com/file/d/0B0K47JLp4QpaQkhiNGhmcDZRVkk/edit?pref=2&pli=1>

Кашаф Ш.Р. Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России // *Ислам в современном мире*, 2015. № 11(4). С. 47–62.

Кемпер М. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. Казань: Российский исламский университет, 2008. 675 с.

¹ По вопросу о количестве аятов в Коране существуют различные точки зрения.

² Дата указана согласно хиджре, т. е. по лунному календарю мусульманского летоисчисления. По григорианскому календарю дата соответствует 13 декабря 1886 г.

Концепция подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама: редакционная статья // Ислам в современном мире, 2015. № 11(4). С. 63–78.

Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 1. Калям шариф / сост., транслит., пер., предисл. А.Г. Хайрутдинова; вступ. Р.Ф. Шафигуллина. Казань: Познание, Институт экономики, управления и права, 2015. 576 с.

Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 2. Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан. / сост., транслит., пер., вступ. А.Г. Хайрутдинова; вступ. Р.Ф. Шафигуллина. Казань: Познание, Институт экономики, управления и права, 2015. 452 с.

Хабутдинов А.Ю. Татарское общественное движение в российском сообществе, конец XVIII — начало XX вв. Доступ: <http://cheloveknauka.com/tatarskoe-obschestvennoe-dvizhenie-v-rossiyskom-soobschestve-konets-hviii-nachalo-hh-vv>

Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Фэн, АН РТ, 2005. 180 с.

Шафигуллина Р.Ф. «Вершина моего иджтихада...» // Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 2. Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан. Казань, 2015.

Юзеев А.Н. Просветительская мысль татарского народа (XIX — нач. XX вв.): монография. Казань: Татарское книжное издательство, 2014. 415 с.

Гайнетдин М. Каюм Насыри: шәхес һәм иҗат // Насыри К. Сайланма әсәрләр. 4 томда. 1 том. Казан: татар кит. нәшр., 2003.

Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри // Каюм Насыри. 1925–1945 (тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары). Казан: Татгосиздат, 1948.

Гайнуллин М. Каюм Насыри (Тормышы һәм иҗат юлы) // Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр. Казан: Таткнигоиздат, 1956.

Гали М. Каюм Насыриның кулъязма мирасы // Каюм Насыри, 1925–1945 (тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары). Казан: Татгосиздат, 1948.

Жәләй Л. Каюм Насыри. Сүз башы // Каюм Насыри. Избранные произведения (на тат. яз.). Казань: Татгосиздат, 1945.

Мәһдиев М.С. Сызып ак нур белән...: шәхесләребез тарихыннан: фәнни-публицистик мәкаләләр / төз. Г. Хәсәнова; кереш сүз авт. Д. Заһидуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 538 б.

Насыри К. Тәрбия китабы // Насыри К. Сайланма әсәрләр. Казан: Таткнигоиздат, 1956. 420 б.

Хангильдин В. Каюм Насыри һәм татар лексикографиясе // Каюм Насыри. 1925–1945 (тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары). Казан: Татгосиздат, 1948.

Lemercier-Quelquejay Ch. Un réformateur tatar au XIXe siècle: `Abdul Qajjum Al-Nasyri // Cahiers du monde russe et soviétique. 1963. Vol. 4. No 1–2. Janvier-juin. P. 117–142. URL: http://www.persee.fr/docAsPDF/cmr_0008-0160_1963_num_4_1_1540.pdf

Şaban Kurt. Kur'ân-ı Kerim sözlerini bulma kılavuzu. Elifbâî dizin. İstanbul: Çağrı Yayınları, 2009.

Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1960. 345 p.

«MIFTAH AL-QUR'AN» BY KAYUM NASYRI: THE FIRST QURAN CONCORDANCE IN THE MUSLIM WORLD

Aidar G. HAIRUTDINOV

Cand. Sci. (Philos.), associate professor; senior researcher of the Department of the History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (entr. 5, Kremlin, Kazan, Republic of Tatarstan, 420014, Russian Federation).

E-mail: khaidar67@mail.ru

Abstract. The article represents a unique lexicographical work «Miftah al-Qur'an», written by the outstanding Tatar enlightener Kayum Nasyri. The work is the first concordance of the Quran in the Muslim world and represents an essential piece of work for Quranic and oriental studies in general. The work was completed by the author in 1886. It has never been published and preserved as a manuscript. The article gives general information about the manuscript, its underlying methodology and its inherent characteristics. The work is still relevant with regard to the socialization of Islam and the rebuilding of a national school of Quranic studies. It is of value to Islamic scholars, to specialists engaged in the study of the Quran, to Arabists, philologists and historians. Appendix to the article contains introductory remarks by Kayum Nasyri to the manuscript translated into Russian.

Keywords: scientific inheritance of Kayum Nasyri, Quran, Quranic studies, Tatar theological tradition, Quran concordance, Quranic textology, history of Tatar and Muslim lexicography, lexical unit of Quran, lexicographic text.

